

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

И. Н. Ионов

СВЯЗАННАЯ ИСТОРИЯ МЕЖДУ ДВОЙНОЙ СВЯЗКОЙ И ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОБРАТНОЙ СВЯЗЬЮ*

В статье рассматриваются демографические, социальные, психологические предпосылки эволюции связанной истории как важного направления современной мировой (глобальной) истории. Показано, как демографический взрыв на Западе в XIX в. и сопровождавшие его особенности социализации сказались на превращении зародышей связанной истории XVII–XVIII вв. в универсальную историю. Показано, как завершение демографического перехода в XX в. повлияло на становление современной связанной истории и возникновение глобальной исторической памяти.

Ключевые слова: связанная история, демографический переход, обратная связь, двойное послание, боваризм.

Связанная история и колониальное прошлое

Проблема связанной истории была впервые поставлена К. Манхеймом, который в 1929 г. указывал, что «в одной и той же сфере опыта возникают картины в различных перспективах, обусловленных различными позициями», и предлагал изучать их в связи в рамках социологии познания¹. В 1972 г. К. Гирц применил эту схему к этнографии, в частности к колониальной ситуации, в которой в 1912 г. столкнулись представители французской, берберской и еврейской культур, а также к образам реальности, созданным ими при помощи различных *рамок интерпретации*. Его подход требовал разрушить «псевдоединство» интерпретации ситуации, начать диалог с носителями разных культур («разговора в самом широком смысле») и применять особый способ описания, названный им «насыщенным» и предполагающий альтернативные контекстуализации сказанного².

Эта тема была продвинута на историко-философский уровень Э. Вульфом применительно к сложным мультикультурным сообществам (1982) и развернута Э.В. Саидом в книге «Культура и империализм»

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 13–06–00301а).

¹ Манхейм. 1994. С. 237.

² Гирц. 2006. С. 178, 182–183, 198.

(1992). В последней связанная история идентифицируется с разными «взаимопересекающимися областями опыта и культуры»³, созданными колониальной и постколониальной ситуациями и попытками «истолковать совместно несовпадающие виды опыта, у каждого из которых есть собственные цели и темп развития, свои собственные внутренние структуры, внутренняя связность и системы внешних отношений – и все это сосуществует и взаимодействует с другими»⁴. Автор называет их «перекрывающимися или переплетающимися историями» или «сетью взаимосвязанных историй», позволяющими освоить колониальный и имперский опыт не в разделяющих, а в связывающих терминах⁵. Связанная история – междисциплинарная практика, «предвосхищенная в совпадении и сближении географии, культуры и истории» в колониальный период⁶. Это не только эпистемологическая, но и онтологическая реальность. «Мы, так сказать, принадлежим самим связям, а не находимся где-то вне их или над ними», – подчеркивал Саид⁷. Связанность может выражаться по-разному. Временная связанность проявляется в ретроспективности изображения, позволяющей соединить описание реалий колониального времени и постколониальный опыт, пространственная связанность – в *гетерофонии* исторического описания (Гирц называл это «насыщенным описанием»)⁸.

В данном случае Саид обращался к глубинным истокам связанной истории, находя их в классическом историзме И.Г. Дройзена, видевшего возможность истории как науки в ее роли предыстории настоящего и, в связи с ним, в перспективизации прошлого, в актуализации остатков некогда бывшего и превращении их в исторические источники⁹. Но Саид видел и слабость такой идеи истории, которая предполагает изложение процесса воспитания человечества как целого и не желает при этом говорить ни «о каждом негритянском племени», ни о его религии, в которой будто бы «нет... ни малейшего выражения религиозного чувства»¹⁰. Саид фиксировал противоречие внутри этой (универсалистской, колониальной) псевдосвязанности, формирующейся «как контрапунктические ансамбли, поскольку никакая идентичность невозможна как таковая без определен-

³ Саид. 2013. С. 99.

⁴ Там же. С. 93.

⁵ Там же. С. 66, 68–69.

⁶ Там же. С. 122.

⁷ Там же. С. 135.

⁸ Там же. С. 156, 334.

⁹ Дройзен. 2004. С. 63, 70, 82, 470.

¹⁰ Там же. С. 344, 430–431, 380, 344.

ного ряда инверсий, отрицаний и оппозиций: греки всегда предполагают варваров, а европейцы – африканцев или восточных людей». На этих противостояниях построена вся привлекательность и самоочевидность самоидентификаций. Саид подчеркивал, что такие «структуры подхода и референции... требуют тщательного анализа и изучения»¹¹.

Контрапункт псевдосвязанности препятствует диалогу и подлинной связанности. Западная культура выстраивает асимметричные образы реальности путем схематизации, «обеспечивающей белой расе ее безраздельное господство»¹². В крайней форме противопоставление сторон контрапункта – это переход «от коммуникации к господству», при котором «поле переходов, пересечения и перекрещивания идей» превращается, по Ф. Фанону, в своего рода манихейство, полярное противопоставление реалий, являющееся обоснованием насильственности колониальной политики¹³. Большую роль в этом играет стандарт целостного образа (гештальта), который обеспечивает «консолидированное видение» реальности, сконструированное как проекция «целого ряда взаимопересекающихся утверждений, при помощи чего достигалось практически полное единство позиции»¹⁴. Наличие этого стандарта исторического образа ведет к тому, что и в постколониальный период намечается движение «прочь от идущего взаимообмена»¹⁵, от идеала освобождения к идеалу национализма, к воспроизводству насилия и господства.

В руках профессиональных историков, таких как американский историк С. Субрахманьям, признанный лидер в области историй раннего Нового времени – от Индии до Запада Европы – тема связанной истории в последнее время почти полностью лишилась теоретического аспекта¹⁶. Но так происходит не везде. В Австралии связанная история развивается на стыке миросистемного и постколониального подходов и понимается там прежде всего как транснациональная история, хотя вопрос о системности связей обычно не ставится¹⁷. В странах Восточной и Центральной Европы проблематизируются условия их тесной и весьма двусмысленной связи с Европейским сообществом¹⁸. При этом эпистемологическая ситуация вокруг связанной истории остается сложной и неоднозначной.

¹¹ Саид. 2013. С. 129.

¹² Там же. С. 221.

¹³ Там же. С. 238.

¹⁴ Там же. С. 173.

¹⁵ Там же. С. 81.

¹⁶ Subrahmanyam. 1997; 2011.

¹⁷ Connected... 2005.

¹⁸ Melegh. 2006.

Связанная история и процесс глобализации

Теоретическая сторона дела актуализируется в связи со все более очевидными противоречиями процесса глобализации и ролью связанной истории в качестве основы такого продуктивного направления глобализации, как универсализация совместной деятельности, кооперация, коэволюция, коадаптация стран и культур. С этой точки зрения связанная история имеет непосредственное отношение к проблеме перехода от классического и неклассического к постнеклассическому, синергетическому подходу к историческому знанию, акцентирующему внимание на росте порядка из хаоса¹⁹.

В отечественной синергетике ее взаимодействие с историческим знанием оценивается по-разному. Е.Н. Князева и Е.С. Куркина заявляют, что в рамках системного и синергетического подходов «история представляется не как совокупность историй отдельных народов и государств, а как необратимая эволюция человечества, связанная... со структурными трансформациями единой Мир-Системы»²⁰. Они соединяют универсализм с акцентом на исследованиях положительной обратной связи как двигателе истории человечества. Л.Н. Васильева ассоциирует синергетический подход с теорией локальных цивилизаций, обращая внимание на соотношение хаоса и коммуникации. Она обращает внимание на феномен «эрзац-элиты», строящей свою власть на моральном насилии и для этого блокирующей потоки информации и каналы обратной связи. Это обеспечивает такой элите видимость компетентности, поддерживаемую внешними регалиями²¹. Соответственно, в центре исследования оказывается ценность процессов с отрицательной обратной связью и их разрушение эрзац-элитой, ориентированной на насилие, а не согласие²².

Синергетический подход к связанной истории как междисциплинарный ставит множество теоретических проблем в области теорий информации, коммуникации, демографии, психологии и психотерапии²³. В частности, это актуализирует психологическую проблему совместности, центральную для теории связанной истории. Традиционный способ ее решения в 1970-е гг. приводил психологов И.У. Сильвермана и Э. Джейрингер к мысли, что субъект с более высоким уровнем познавательного развития в процессе совместной деятельности необходимо

¹⁹ Ионов. 1997.

²⁰ Князева, Куркина. 2009. С. 130.

²¹ Васильева. 2005^a. С. 75-85. С. 81-83.

²² Васильева. 2005^b.

²³ Аршинов. 1999. С. 7-53, 175-190.

«поглощает» деятельность индивида с более низким уровнем, так что на деле действующим оказывается лишь один, господствующий партнер, а другой предстает полностью зависимым, объектом деятельности²⁴. Отход от этой позиции ставил в 1990-е гг. перед отечественными психологами А.И. Донцовым, Е.М. Дубовской, И.М. Улановской проблемы анализа *процесса коммуникации*, меры его развитости (от «молчаливого соприсутствия» до коллективистской самоидентификации). Особое значение придается отношению актора к целям деятельности (которые при этом подразделяются на внешние, объективно обусловленные и внутренние, реально признаваемые). Поэтому в центр внимания выдвигаются «установки и интенции участников кооперации»²⁵.

Оказывается, что связанность истории не оптимизируется примитивным отношением господства–подчинения. Более того, универсальность истории скорее отрицает ее связанный характер. Коммуникативность общественных отношений, по Н. Луману, неизбежно предполагает элемент алогичности, случайности (*контингентность*) и конфликт по поводу выбора состояния общественной системы. Это придает такой системе внутреннюю неопределенность и свободу, а временным связям ее истории – свойства посткаузальности и постлинейности. В этом сила современной истории и современных обществ²⁶. Отношения господства в противоположность этому предполагают псевдосвязанность, предопределенность выбора в пользу доминирующей стороны.

Сложно связанные системы неотделимы от особых типов памяти. М. Ротберг считает постколониальную эпоху глобализации временем перехода от соревновательной (*competitive*) памяти, при помощи которой одни группы пытаются заблокировать память других групп – к разнонаправленной (*multidirectional*) памяти, которая предполагает диалог с ненулевой суммой (без победителей) и которая бросает тем самым вызов базовым принципам мышления по поводу культурной памяти и групповой идентичности. В области разнонаправленной памяти воспоминания групп продуктивно взаимодействуют, причем результат такого взаимодействия (как и у Лумана) принципиально непредсказуем. В условиях глобализации особую роль приобретают воспоминания маргинализованных и оппозиционных социальных сил, которые используются мировым сообществом для формирования самоидентификации и борьбы за признание и справедливость. При этом, например, проблема Холокоста,

²⁴ Silverman, Jeiringer. 1973; Донцов, Дубовская, Улановская. 1998. С. 62.

²⁵ Там же. С. 64–66, 70.

²⁶ Луман. 2001. С. 16; Назарчук. 2012. С. 63.

являющаяся ключевой в обосновании политики прав человека, ставится в неожиданный контекст истории колониального угнетения²⁷.

Коллективная память эпохи глобализации, которую многие называют «глобальной памятью», «глобальной культурой памяти» (К. Юнке) или «космополитической памятью» (Д. Леви и Н. Шнайдер), подчеркивая ее универсальный характер, приобретает свой глобальный статус именно потому, что подпитывается *связанной историей* разных человеческих групп и порождает стремление к кооперации в борьбе за свои права. Это позволяет Б. Мишталь называть ее «пост-универсалистской» космополитической памятью²⁸. Точнее всех выразился С. Конрад, который назвал этот род памяти «переплетенными» или «перекрестными памятьями» (*entangled memories*) по аналогии с перекрестной историей (*entangled history*) и прямо указал на их связь²⁹. По этому же пути идет К. Юнке, которая говорит о «переплетенных прошлых»³⁰.

В сущности, речь идет об осмыслении альтернативных путей глобализации, реализующих разные формы связи между народами и культурами. Путь И.У. Сильвермана и Э. Джейрингер означает доминирование положительной обратной связи (при которой каждый фактор положительно связан с другим), а значит и линейных самоускоряющихся *процессов с обострением*, создающих возможность быстрого прогресса, но грозящих разрушением системы. Путь Б. Мишталь, М. Конрада и К. Юнке означает доминирование отрицательной обратной связи, присутствие механизмов саморегуляции и рефлексии. Эти альтернативы реализуются в разных моделях связанной истории, созданных в особых демографических условиях, при различных формах социализации, определяющих доминирование различных психологических установок, порождающих собственные образы общества и формы описания мировой истории.

Модели соотнесенности-1.

Демографический взрыв и универсальная история.

Г. Иггерс в своей эпохальной работе «Глобальная история современной историографии» (2008) отметил, что если на рубеже XVIII века у Г.В. Лейбница и в книге «Всеобщая история с древнейших времен до наших дней» (1736–1765) присутствовали попытки создания неевропоцентрической версии истории человечества, учитывающей взаимодействие народов (Китай и Европы, путешествия, создание колоний), то уже во

²⁷ Rothberg. 2009

²⁸ Misztal. 2009.

²⁹ Conrad. 2003. P. 98.

³⁰ Juenke. 2013.

второй половине XVIII века у Вольтера возникает просвещенческий прогрессизм, радикально изменивший картину прошлого и создавший европоцентрическую модель истории. Г. Иггерс, Э. Ван и С. Мукарджи связывают это с процессами модернизации (в частности, с научной революцией) и стремлением оправдать колонизацию и империализм³¹. Однако в синергетической перспективе, уделяющей особое внимание демографии, социологии и психологии, проблема истоков и эволюции связанной истории выглядит несколько иначе.

Обращает на себя внимание изменение демографической ситуации в середине XVIII в. С этого времени начинается промышленный переворот, развивается медицинское обслуживание, падает детская смертность, происходит демографический взрыв в ряде стран Запада. В XIX – начале XX в. его население возросло по модели процесса с обострением в 2,5 раза (Великобритании в 4 раза, Северной Америки в 5 раз)³². Ситуация бурного роста в целом ряде областей породила переключение сознания с традиционалистской картины мира на прогрессистскую, выдвинула на первые позиции новые формы исторической памяти и дискурса. Прогрессистская картина мира играла роль мотиватора в экономических и политических преобразованиях, рационализм и детерминизм имели, прежде всего, мировоззренческое значение.

Внимание к этим процессам характерно для социологов (Д. Рисмен, Н. Глейзер, Р. Дэнни), которые еще в 1950 г. осмыслили социальные и психологические следствия этого поворота (встроив его, с некоторыми оговорками, в старую, прогрессистскую линейно-стадиальную модель). Они отметили переход от относительно малодетной традиционной семьи с высокой детской смертностью к многодетной семье эпохи демографического взрыва и соответствующий переход от доминирования установки, ориентированной на традиции (прежде всего религиозные) к господству установки, ориентированной на личные убеждения (*inner-directed*)³³. По сути, этот переход, свершившийся в XVIII–XIX вв., означал интериоризацию образов Бога, государства, истеблишмента, которые приобрели форму *Супер-эго*, внутреннего регулятора поведения, определявшего сущность убеждений. Оно развивалось за счет *Эго*. Задачей родителей в семьях среднего класса стал успех ребенка в жесткой конкуренции, его использование как инструмента в борьбе семьи за благосостояние, часто

³¹ Иггерс, Ван. 2012. С. 32-33. Не надо забывать и о движении иезуитов-фигуралистов в XVII–XVIII вв., пытавшихся построить общую картину истории Европы и Китая. См.: Ионов. 2007. С. 165-167.

³² Федорова, Каримова. 2013. С. 66-68.

³³ Riesman, Glazer, Denney. 2001. P. xlii-xliv.

– на поприще заморской торговли или в колониях. Для этого была необходима строгая дисциплина и закалка характера, нормативная самоидентификация, единство взглядов и содержания исторической памяти внутри поколения – в группе соратников по борьбе за процветание³⁴.

По мнению Рисмена, следствием этого было создание «внутреннего гироскопа» – генерализированного образа мира, эгоизм и невнимание к другим традициям. Возникла классическая модель научного знания, истинностного, детерминистского и претендующего на объективность. Образом истории стала прямая, открывавшая данному индивиду путь к благосостоянию и рассматривавшаяся как процесс воспитания человека³⁵. Об этом писали еще современник событий И.Г. Гердер и историкограф Э. Трельч, отмечавший в теориях универсальной истории смену идеалов «Французской революции или английского джентльмена, американской демократии или социалистического братства»³⁶ в зависимости от места рождения историка.

В результате связанность истории получалась односторонней. Коммуникация в начале XX века выступала не предпосылкой, а следствием социальности. М. Вебер писал, что «‘социальным’ мы называем такое действие, которое по предполагаемому действующим лицом... смыслу соотносится с действием других лиц и ориентируется на него»³⁷. Это означало, что предпосылки социальности (прежде всего религиозные и моральные) уже имеются к началу контакта. Иной, стоящий вне такой связи, определяется прежде всего через отрицание убеждений наблюдателя и уже только затем – через его собственные убеждения. Это привело, в частности, к неспособности М. Вебера увидеть сходство между протестантской и конфуцианской этиками³⁸. В этом контексте псевдосвязанности модернизация и глобализация оборачивались европеизацией или, по крайней мере, вестернизацией мира. Они представлялись детерминированными процессами, создающими свои традиции (или «колеи», *path-dependency*).

Общим идеалом выступала положительная обратная связь роста населения, производства и культуры, обеспечивавшая прогресс как *процесс с обострением*, который должен был реализовать идеалы гуманизма. Как известно, типичным социальным процессом с обострением является ре-

³⁴ Ibid. P. 39-40, 42.

³⁵ Ibid. P. 30, 44.

³⁶ Гердер. 1959. С. 278; Трельч. 1994. С. 124.

³⁷ Вебер. 1990. С. 602.

³⁸ Там же. С. 307-344.

волюция. Представления о *коридоре безопасного роста* отсутствовали³⁹. Так из зародышей связанной истории середины XVIII столетия формировалась универсальная история, являвшаяся на деле ее отрицанием, парадоксальным проявлением *локального* (западного) *универсализма*. В сущности, это история картезианского человека-рационалиста, ориентированного на ценности, которые именуются гуманистическими. Все иные варианты развития рассматриваются как пережиточные или тупиковые. Это модель истории, замкнутой на собственные образ и идеалы, в которой игнорируется позитивная сторона иных культур, что придает ей ряд отрицательных черт, определяющих деформацию образов прошлого. Наиболее опасная из них – игнорирование контекста, в котором возникла сама универсальная история, неспособность историков отличить факты прошлого от навязанной теорией прогрессистской перспективы, различить собственно исторический, идейно-политический и эстетически-литературный аспекты историописания.

Причины подобных когнитивных девиаций сознания в условиях отношений господства и зависимости в 1950-е гг. изучала школа Пало-Альто. В центр ее внимания попала проблематика контекстов и метакоммуникаций. Входившие в нее ученые (в том числе крупный антрополог и кибернетик Г. Бейтсон, вдохновлявшийся идеями Р.Дж. Коллингвуда) анализировали пороки межкультурных связей в контексте психологии семьи, прежде всего противоречий в отношениях родителей и детей⁴⁰. В этом они сближались с Д. Рисменом, для которого воспитание в буржуазной семье эпохи демографического взрыва было связано с противоречием между любовью к детям и требовательностью к ним как к экономическому ресурсу⁴¹.

Подобное двойственное отношение находит, по мнению Бейтсона, выражение в *конфликтных предписаниях* родителей детям, которые он называл «двойными посланиями» или «двойной связкой». В условиях зависимости детей от родителей им не позволялось анализировать ни такие послания, ни отношение родителей к ним, что мешало осознанию контекста коммуникации (метакоммуникации), учило двоемыслию и в крайних случаях вело к дезориентации и шизофрении. Бейтсон называл такие сообщества «шизофреногенной семьей»⁴². В ней «ни одна из сторон не в состоянии получить или отправить неискаженное метакомму-

³⁹ Турчин. 2010. С. 156-158.

⁴⁰ Вацлавик, Бивин, Джексон. 2000. С. 22, 52, 64, 79, 93-94, 103-105.

⁴¹ Riesman, Glazer, Denney. 2001. P. 44.

⁴² Бейтсон. 2000. С. 251-252.

никативное сообщение»⁴³. Ключевое следствие общения в такой семье – отрицание личности объекта коммуникации, а также болезненность и патологичность общения с манипулятором, «ощущение обманутости» и «постоянное травмирование», которые оно порождает. В результате «коммуникация с другим может повредить моей идентичности вплоть до распада организации моего опыта»⁴⁴. «Шизофреническая семья, – писал Бейтсон ниже, – весьма устойчивая организация, динамика и внутренняя работа которой таковы, что каждый ее член постоянно подвергается переживанию отрицания своего ‘Я’»⁴⁵. Связанность людей на основе господства одних над другими ведет, таким образом, к взаиморазрушению.

Родители, как и европейцы XVIII–XX вв. – носители «цивилизаторской миссии» в колониях – выступают у Г. Бейтсона в роли лицемеров, создающих отношения господства и зависимости и не разрешающих ни критиковать, ни даже осознать их. Связанность истории семьи или колоний превращается в фальсификацию истории человеческих отношений. Э. Саид назвал такую картину истории *ориентализмом*. Ее суть в том, что Азия говорит в универсальной истории Запада не своим языком, а только «через и благодаря воображению европейцев, которые представлены победителями Азии». Рефлексия по поводу этого воображения («фигуративного» измерения) запрещена⁴⁶. Ребенок (как и житель колонии) лишается права голоса, «он может знать, но не может говорить»⁴⁷. На языке постколониальной критики это называется быть *субалтерном*. Г.Ч. Спивак писала, что восприятие эпохи Просвещения в бывших колониях – это субалтерное «восприятие снизу». История рациональности в нем неразрывна с историей колонизации и представлением об «обязанностях раба», а значит несет в себе «двойное послание», деформирующее постколониальную и мигрантскую культуры, противопоставляя в них публичную и частную сферу⁴⁸.

Вне Запада возникает свой, оксиденталистский его образ, деформированность которого пародировывает искажение ориенталистского образа Востока. (Псевдо)связанная история в ее универсалистской форме рано или поздно распадается на части, приводит к возникновению альтернативных и принципиально несоединимых, невозможных друг с другом картин прошлого, таких как неколониалистская картина, написанная с

⁴³ Там же. С. 261–262.

⁴⁴ Там же. С. 266, 275.

⁴⁵ Там же. С. 267.

⁴⁶ Саид. 2006. С. 87, 89.

⁴⁷ Бейтсон. 2000. С. 268.

⁴⁸ Spivak. 2009. P. 624.

точки зрения неоконсервативного истеблишмента Запада и картина «теологии освобождения» Латинской Америки Э. Дусселя, написанная с точки зрения маргиналов, отверженных⁴⁹. В них, точно по Бейтсону, каждая из сторон подвергается отрицанию своего Я.

Ситуация с субалтерном, двойничеством и «расклеивающейся» историей характерна и для отношений внутри Европы XVIII в. Н. Элиас в 1930-е гг., анализируя мировоззрение возникающей буржуазии, указывал на «полную аналогию происходящему сегодня в колониальных странах... в подъеме западноевропейской буржуазии на придворной фазе развития общества... Внутренне они (бюргеры. – И. И.). соглашались с превосходством придворно-аристократических манер и пытались моделировать и контролировать собственное поведение по этому образцу... Дворяне... часто насмеялись над бюргерами, желавшими быть ‘изысканными’ и неумело подражавшими придворным»⁵⁰. Эта «двойная связка» приводила к «постоянному давлению» и «внутреннему расколу личности», что находило выражение, как писал Элиас, в «левантинизме» – претенциозных манерах бюргеров, свойственных людям, стремящихся идентифицировать себя с «цивилизацией» и именно поэтому постоянно ощущающих себя «варварами»⁵¹. Из «непрестанной борьбы индивида с самим собой» рождалось «чудовищное напряжение», не отпускавшее человека, «оказавшегося под перекрестным огнем, который ведется со всех сторон»⁵². Беззащитность такого человека связана с тем, что люди, чьего превосходства он опасается, «соотносятся с его собственным ‘Сверх-Я’, с его собственным аппаратом самопринуждения» (курсив мой. – И. И.)⁵³, то есть ядром личности человека эпохи демографического взрыва.

Поэтому изучение предпосылок рационализации долгое время оставалось табуированным, рациональные идеи как бы рождались из преодоления предрассудков; между историей Средних веков и Нового времени образовался зазор, который только во второй половине XX в. был заполнен историей раннего Нового времени, изучающей сложные процессы взаимодействия дворянства и буржуазии, метрополий и колоний, поведения и убеждений, описанные Н. Элиасом.

Подобное патологическое состояние охарактеризовал философ Ж. де Готье. Анализируя в 1892 г. образы романа Г. Флобера «Госпожа Бовари», он описывал при помощи понятия «боваризм» ложное, болез-

⁴⁹ Dussel. 1996.

⁵⁰ Элиас. 2001. Т. 2. С. 310-311.

⁵¹ Элиас. 2001. Т. 1. С. 105, 117; Т. 2. С. 216, 273, 276, 293, 309–310.

⁵² Там же. С. 297, 309-310.

⁵³ Там же. С. 292-293.

ненное, зависимое самосознание, связанное дезориентацией (Элиас называл его «левантинизмом»). У госпожи Бовари его определяет зависимость от нравов и обычаев «света», у отца господина Бовари (Шарля Дени-Бартоломе) – зависимость от военных традиций, у фармацевта Оме – вера в прогресс. Эти идеи обладают для них «суггестивной силой... замещая центр тяжести индивида, принуждают осознавать себя иным, чем он является на самом деле: индивид самым трагическим образом приносит в жертву этой ложной концепции свою собственную личность»⁵⁴. Во фрейдистской традиции это означает конфликт *Эго* индивида и его *Супер-эго*, воплощающего постороннюю, господствующую над индивидом идею.

Ж. де Готье выделял фундаментальный и патологический боваризм. Первый связан со стремлением человека развиваться, он превращается в конце концов в метафору творчества, желания стать Иным⁵⁵. Патологический боваризм, как правило, приводит к саморазрушению. Ситуация может быть катастрофической, как в случае с самоубийством госпожи Бовари, а может быть трагикомической, как в случае с фармацевтом Оме, видевшем свою миссию в распространении прогресса и цивилизации. Он надеялся, что идеологическое превосходство обеспечит автоматический успех всем его начинаниям. Обычно за это платили увечьями, тюрьмой или разочарованием другие люди, Оме же процветал и его единственным горем было то, что государство не наградило его орденом. Патология его памяти к концу жизни выразилась в том, что он измыслил фантастическую историю своих заслуг, вписав свой образ в историю прогресса⁵⁶.

Опасность патологического боваризма, по мнению Готье, в том, что он разрывает связи между людьми, мешает создать адекватный, совместный, связанный образ реальности. Под его воздействием нация создает фиктивное самосознание, отворачивается от собственной природы, приобретает искаженное представление о собственной истории. Готье писал: «Над сообществом нависает угроза. Оно может заплатить своим разрушением за недостаток рассудительности, который заставляет его принять за универсальную истину то, что было манерой поведения, полезной для определенной группы»⁵⁷.

«Двойная связка» и положительная обратная связь между иллюзией и ее подкреплением не позволяют контролировать коммуникацию как необходимую функцию общественной жизни, смену контекстов

⁵⁴ Gaultier. 1921. P. 75, 15, 26, 39.

⁵⁵ Ibid. P. 276-277, 294, 297.

⁵⁶ Флобер. 1979. С. 181-192, 344, 347-348.

⁵⁷ Gaultier. 1921. P. 127.

сообщений и вообще рассуждать о контекстах (метакоммуникации), что ведет к принципиальному неразличению модусов словоупотребления: метафоры и научной идеи, реальности и игры, серьезности и иронии, диалога и манипулирования. Выход из этой ситуации возможен в разные стороны: в сторону распада общественных коммуникаций и роста взаимной агрессии по типу процесса с обострением, в сторону снижения уровня манипуляции или в сторону игры, выводящей за пределы отношений господства (Г. Бейтсон приводит пример дзен-буддистского коана, при котором у учителя выбивают палку, являющуюся инструментом манипуляции⁵⁸). Бейтсон показал, что «если удастся парировать или сопротивляться этой патологии, опыт такого рода, взятый в целом, может способствовать творчеству»⁵⁹.

Формы разрыва поля связанной истории

Проблема псевдосвязности применительно к истории Центральной и Восточной Европы (прежде всего Балкан) поставлена А. Киосевым, выведена на уровень исследования С. Антохи, М. Зомбори и А. Мелехом. Дело в том, что политическое сближение с Западной Европой не привело в балканских странах к становлению диалога, общей идентификации и общеевропейской истории. Напротив, возникло растущее ощущение культурной дистанции, которое находит выражение в идее о постепенном уменьшении цивилизованности и нарастании «варварства» по пути с Запада на Восток («западно-восточный градиент»), утверждавшей асимметрию отношения Запада и Востока Европы и тем самым – невозможность равноправного диалога внутри Европы. Образ Восточной Европы последовательно вытеснялся из образа Запада, субалтернизировался. «Неправильная» Европа трактовалась как земля полукровок, частично ответственных за коммунизм, за природе своей отвратительная, расистская, ксенофобская и националистическая, объект цивилизаторской миссии Запада. Тем самым лозунги «возвращения к нормальности» и «воссоединения с цивилизованным миром», провозглашавшиеся в социалистическом лагере в 1980-е годы, которые С. Антохи характеризует как эскапистские проявления «геокультурного боваризма», спровоцировали воспроизводство *цивилизационного неравенства*⁶⁰.

Первоначально недостатки переходного периода: «мнимый капитализм», «псевдобуржуазия», «искаженное» и «неравномерное» развитие воспринимались на Балканах как «пережитки прошлого», «племенного

⁵⁸ Бейтсон. 2000. С. 232.

⁵⁹ Там же. С. 300.

⁶⁰ Antoхи 2002. P. 2, 15-16; Melegh. 2006. P. 1-5, 9, 18, 25.

коллективизма» и «восточности» новых европейцев. Но постепенно открылась связь этой терминологии с идеями глобализации как унификации и «тотальной идеологией» в смысле К. Манхейма. Это не было простое воспроизводство идей Запада и Востока в духе «Холодной войны». Преодоление тоталитарности советского коммунизма привело к болезненному столкновению с тоталитарностью европоцентризма как выражением «тотализированных» когнитивных паттернов⁶¹. Венгрия рассматривает Европейский союз как субъект, в то время как Европейский союз относится к Венгрии как к объекту. Создается псевдосвязанность, своего рода шизофреническая семья. Это редуцировало культурную коммуникацию между ними в «односторонний диалог», то есть внутренний диалог Запада. «Это диалоги с одним субъектом ('диалог с собой'), – писал А. Мелех, – и, таким образом, мы должны отбросить идею о каком бы то ни было диалогическом конструировании идентичности с оглядкой на западно-восточный градиент»⁶². Разрушение диалога подрывает когнитивные возможности данного подхода, в том числе для Запада. В обоснование этого положения Мелех ссылается на И. Нойманна, который писал: «Бахтин настаивал, что без 'Другого' субъект на самом деле не может иметь знания ни о себе, ни о мире, поскольку значение создается в дискурсе, где встречаются сознания»⁶³.

Эта порочная познавательная ситуация порождает фантомы, такие как «Центральная Европа», которые интегрировали западные мифы в общественное сознание населения Восточной Европы и при помощи которых бывшие социалистические страны пытались повысить свой статус⁶⁴. Этот дискурс сначала казался реальным, отражавшим качественные различия регионов. Но, как подчеркивает А. Мелех, на деле реальность Восточной Европы сравнивалась с «тотально идеологизированным» образом Западной Европы, который К. Манхейм характеризовал как «трансцендентальный бытию», «нереальный», так как «при данном общественном порядке его содержание реализовано быть не может...»⁶⁵. Однако при его помощи создавался целостный гештальт, смысл которого «'предшествует' постижению отдельных элементов» и навязывает свое понимание исторического развития и нашего места в нем⁶⁶. Отсутствие диалогического контекста позволяет

⁶¹ Ibid. P. 1-4, 30.

⁶² Ibid. P. 28.

⁶³ Ibid. P. 27; Нойманн. 2004. С. 40.

⁶⁴ Melegh. 2006. P. 30-31, 42-48.

⁶⁵ Ibid. P. 19; Манхейм 1994. С. 166.

⁶⁶ Там же. С. 179.

А. Мелеху вообще не обсуждать когнитивное значение подобной конструкции. Для него цивилизационный градиент и связанные с ним спекуляции по поводу «сущности» Центральной и Восточной Европы – это область воображаемого⁶⁷.

Статус образа Восточной Европы тем более неприемлем, что он ломает целостную картину, представляя пограничным, переходным, «полузападным – полувосточным». Большую роль в этом играет пространственное воображение, которое, как писали С. Антохи и М. Зомбори, имеет картографический характер и производит редукцию и локализацию различий, формирует представление о дистанциях между культурами, придавая им сущностный и иерархический характер. Эти «картографические упражнения, основанные на ‘данных в опыте’ различиях имеют целью установление пограничных переходных категорий, серых зон, которые проблемны, ненадежны и смутны». Результат их интеграции в мировоззрение – кризис политической самоидентификации балканских стран и ощущение неприкаянности личности в сумеречной зоне пограничья, где она предстает как возможное, но незавершенное, как исключение из правила⁶⁸.

Попытки выхода из этой ситуации, которую И. Валлерстайн определил как «двойную связку» (принять такой универсализм значит потерять, отказаться — тоже потерять), стремление преодолеть геокультурный боваризм вылились в евроскептицизм⁶⁹. Характерно становление маргинального сознания и обращение к постколониальной литературе (Э.В. Саид, С. Амин, И.Б. Нойманн, Л. Вульф) и левой критике европоцентризма (И. Валлерстайн). Особенно важными оказались идеи Нойманна, проследившего возрождение в самоидентификации европейцев с XV в. идеи «варвара» применительно к туркам и проекцию этой идеи на другие восточные народы. Он показал, что именно на этой антитезе, заменившей противопоставление христиан и язычников, основана современная идея Европы, которая до XV в. имела маргинальный характер⁷⁰. Тогда впервые в истории Запада возникла специфическая псевдосвязанность истории, не предполагавшая, а *разрушавшая* диалог.

Универсализм цивилизационной концепции показал себя «данайским даром» сильным обществ слабым, инструментом имперской политики. Он возбуждает имперское и гасит местное историческое воображение, продуцируя в последнем явления, связанные с колониальностью.

⁶⁷ Melegh. 2006. P. 23-24.

⁶⁸ Ibid. P. 5, 14-16; Zombory. 2012.

⁶⁹ Melegh. 2006. P. 28.

⁷⁰ Нойманн. 2004. С. 71, 82, 88-90, 103-104, 143-144, 155.

«Венгерская местная история страдает под тяжким гнетом универсально значимого ‘Запада’, – пишет А. Мелех, – доминирование которого удерживает воображение на низшей границе градиента... Таким образом, нет сомнения, что колониальность как система власти, интернализирующая иерархические образы социального развития, релевантна исследованию западно-восточных дискурсов о Восточной и Центральной Европе, практикуемых внутри и вне региона»⁷¹. «Империализм воображения», пояснил В. Голдзуорти, возрождает стратегии воображаемой и когнитивной колонизации Балкан, разработанные великими державами в XIX в. и развитые в эпоху империализма средств массовой информации⁷². Перекрывающиеся истории Западной и Восточной Европы еще раз оказываются разорванными, их соположенность стимулирует не взаимообмен смыслами, а понукание к безоглядному копированию западных образцов – или же порождает безоглядное сопротивление, национализм и расизм, а значит так или иначе – неконтролируемые процессы с обострением.

Интересно, что стремясь вырваться за рамки этой новой формы цивилизационного дискурса в его глобалистском и колониальном прочтении, А. Мелех и С. Антохи сознательно идут путем дробления целостного гештальта и соединения разнородных методов: *case-studies* и интеллектуальной истории, локального и глобального подходов⁷³. Собственно, этот путь связанной истории, который предлагал Э. Саид.

Правда, надо отметить, что трактуя утопию только как нечто иллюзорное и противостоящее реальности и сближая образ тотальной идеологии Маннгейма и образ тоталитаризма, Мелех совершает ошибку. Утопия у Маннгейма, в отличие от общепринятого значения слова – это именно то, что *реализуемо*, что способно «преобразовать существующую историческую действительность» и связанный с ним дискурс. Маннгейм подчеркивает, что, осознавая доминирование трактовки, по которой утопия «в *принципе* невозможна», он «сознательно устранил это значение в... узкой дефиниции данного понятия»⁷⁴. Социолог считал, что «вместе с исчезновением всех форм утопии (человек) утратит волю создавать историю и способность понимать ее»⁷⁵.

Утопия Маннгейма напоминает фундаментальный боваризм Ж. де Готье. Без нее невозможно предпосылочное знание, структурирующее любой человеческий образ реальности. «Это не умаляет значения

⁷¹ Melegh. 2006. P. 31.

⁷² Ibid. P. 33-34; Goldsworthy. 1998.

⁷³ Melegh. 2006. P. 4.

⁷⁴ Манхейм. 1994. С. 164-168.

⁷⁵ Там же. С. 219.

знания... – подчеркивает Маннгейм, – проблема заключается не в том, чтобы скрывать и извинять эти перспективы, а в том, чтобы задать себе вопрос, как при наличии этой перспективности возможны познание и объективность. Ведь и в визуальном изображении предмета в пространстве то обстоятельство, что предмет может быть в силу природы вещей дан *только* в перспективе, не является источником ошибки; и проблема состоит не в том, как создать изображение, лишенное перспективы, а в том, как посредством сопоставления различных точек зрения понять сущность перспективы как таковой и тем самым достигнуть объективности нового типа. Так и здесь ложный идеал познания абсолютно изолированного внечеловеческого видения должен быть заменен идеалом человеческого видения, все время расширяющего свои границы»⁷⁶.

Тотальность Маннгейма соотносима со стратегией насыщенного описания К. Гирца. Маннгейм писал: «Тотальность в нашем понимании не есть непосредственное, раз и навсегда данное видение, доступное лишь божественному оку, или относительно замкнутый, стремящийся к стабильности образ. Тотальность предполагает восприятие частичных взглядов, постоянное преодоление их границ, стремление к целому, которое, расширяясь шаг за шагом в процессе познания, видит свою цель не во вневременном окончательном решении, а в предельно возможном для нас расширении перспективы»⁷⁷.

В этом смысле тотальность противоположна и практике взаиморазоблачения идейных противников, которая уже в начале XX в. превратилась в политику тотальной релятивизации⁷⁸. Скептицизм и релятивизм «ведут к новой концепции объективности» только в том случае, если они не ограничиваются направленностью на противника, но становятся также поводом для внутреннего диалога, самокритики, «посредством конфронтации с самим собой и проверки себя»⁷⁹. «Мы начинаем видеть себя не только в общих чертах, как познающего субъекта вообще, но в определенной роли, до этого момента скрытой от нас, – продолжал Маннгейм, – в ситуации до этого момента нам недоступной, руководствующегося мотивами, до той поры нами не осознаваемыми... возможность относительного освобождения от социальной детерминированности возрастает пропорционально пониманию этой детерминированности... Исследовать частичный характер подобных позиций и их

⁷⁶ Там же. С. 248.

⁷⁷ Там же. С. 93.

⁷⁸ Там же. С. 41.

⁷⁹ Там же С. 46-47.

взаимную соотнесенность в рамках всей социальной действительности и является задачей 'свободного от оценки' исследования идеологии»⁸⁰.

Маннгейм проповедовал инклюзивистский подход к соотнесенности различных исторических теорий, признавал «взаимодополняющий характер частичных, социально и политически обусловленных познаний»⁸¹. И хотя его понимание синтеза порядком устарело, идея соотнесенности, связанности идеологически и культурно противостоящих подходов остается актуальной⁸². При помощи анализа соотнесенных историй он считал возможным выявить «степень постижения, присущую различным точкам зрения»⁸³. Однако такая операция требует, как своей необходимой предпосылки, изменения не только познавательной, но и социально-демографической ситуации.

Модели соотнесенности-2.

Демографическая стабилизация и связанная история

Преодолению противоречий развития связанной истории могут способствовать новые тенденции в демографии и процессах социализации⁸⁴. В XX в. на Западе, в Японии, в России наступает демографическая стабилизация как завершающая стадия демографического перехода, что меняет условия социализации ребенка и установки личности. Демографическая ситуация начинает контролироваться семьей и государством, на нее оказывает воздействие отрицательная обратная связь⁸⁵. Место идеала занимает перспектива устойчивого развития.

Во второй половине XX в. появляется детоцентрическая семья и любовь к ребенку становится более последовательной. Он перестает быть экономической ценностью и отношения с ним приобретают личный характер. Возникает представление не только о проблемных детях, но и проблемных родителей, что дает возможность для анализа внутрисемейных отношений и возникновения теории шизофреногенной семьи. Социальная мобильность падает, суровое воспитание не оправдывается. В центре общества потребления – не производство, а реклама, умение рассмотреть потребности людей и использовать их для обогащения. Тут необходимы не столько рациональность и упорство, сколько внимание к «маргинальным различиям», не убежденность, а наблюдательность и гибкость, ценностями становятся вариативность и казуальность. Человек,

⁸⁰ Там же. С. 47, 72.

⁸¹ Там же. С. 128.

⁸² Вернер, Циммерманн. 2007.

⁸³ Маннгейм. 1994. С. 237.

⁸⁴ Wouters. 1986; Mennell. 2007; Wouters. 2007.

⁸⁵ Федорова, Каримова. 2013. С. 142-155.

ориентированный на внутренние убеждения, уступает господствующее место человеку, ориентированному на вне, на Другого (*other-directed*)⁸⁶.

У Э. Левинаса возникает соответствующее этой ситуации представление об ответственности перед Другим, о Другом как конституирующем бытие, время и познание. Характерно, что по его мнению, «время Другого и мое время не происходят одновременно... подлинное время представляет собой эффект или событие разъединенного соединения двух различных темпоральностей». Интерсубъективность такого времени не в том, что это «не интегративное введение времени Другого в мое». Интерсубъективность проявляется в сложном диахроническом отношении, включающем «разрыв и не интегративное соединение»⁸⁷. Здесь ярко видно современное скептическое отношение к идеалу исторического синтеза, место которого занимает диалог.

Соответственно меняются образы общества и его истории. Они приобретают неклассический характер, критикуются претензии на субстанционализм, детерминизм, финализм, истинность, как ведущие к логическим ошибкам. Общественные науки призваны способствовать решению не мировоззренческих, а конкретных проблем. Если у М. Вебера условия коммуникации в обществе предзаданы, то у Н. Лумана коммуникация и создает общество, помимо нее оно невозможно, поскольку сама коммуникация весьма маловероятна. Ведь оба участника социального действия не могут знать, правильно ли они понимают друг друга. Луман называет это «двойной контингентностью» (неопределенностью). Ориентация на совместные действия – основа связанной истории – является для него основанием всякой социальности⁸⁸. Тем самым связанная история выходит на первый план, причем ее выдвигают те же силы, которые и вытеснили ее на периферию мира идей почти триста лет назад. При этом роль положительной обратной связи не уменьшается, а лишь ограничивается. Она связана с вариативностью социальных систем, рассматривается как мощный механизм развития. Но рестаблизация системы, выбравшей свой вариант развития, на основе отрицательной обратной связи также необходима⁸⁹. Связанность ни в коем случае не становится идеалом, как в универсальной истории. Предельная связанность – это жесткость и окостенение. С внешним миром взаимодействует не структура, а медиумы – ее ослабленная форма (язык, смысл как виды упорядочивания переживания). Поэтому границы культур у Лумана нечетки, а роль историописа-

⁸⁶ Riesman, Glazer, Denney. 2001. P. 45-47, 49.

⁸⁷ Полеицук. 2006. С. 35-36.

⁸⁸ Назарчук. 2012. С. 18, 74-75.

⁸⁹ Там же. С. 80-83.

ния состоит в том, чтобы «иметь возможность ‘освободиться’ от своей истории и творчески менять свои семантики»⁹⁰. На этом фоне возникают образы множественных модернизаций (Ш.Н. Айзенштадт), рефлексивной модернизации (У. Бек), глобализации как гетерогенизации (Я. Нидервеен Питерсе), глокализации (Р. Робертсон). Они описывают совместные истории различных стран, проходящих сходные процессы своими, связанными, но подчас расходящимися путями⁹¹.

Картину, нарисованную Рисменом, конкретизировали Вутерс и Меннел, которые связали описанный им переход с процессом «информализации» и обозначили его как важную составляющую цивилизационного процесса. При характеристике поколений, ориентированных на Другого, они опирались на методологию Н. Элиаса, опровергнув утвердившийся в 1970-е гг. взгляд на теорию Элиаса как универалистскую, однолинейную концепцию растущего самоконтроля – стержня исторического процесса. Показав, что для Элиаса не было характерно мышление в терминах «больше-меньше», они представили его теорию цивилизации как изучение путей развития *Супер-Эго*, включающих контр-процессы (контр-истории). Они прямо заявили, что «поиск однозначных оценок цивилизирующих или дисциplinирующих черт, основанный на произвольном наборе примеров, кажется... бесплодным»⁹².

Вутерс и Меннел связали новые установки человека с деколонизацией и глобализацией, растущей потребностью во взаимной идентификации, искренности и высвобождении эмоций, которые привели к *контролируемому снятию контроля* за поведением и к запрету на доминирование⁹³. Наиболее яркая страница процесса информализации – студенческая революция 1968 года носила явные признаки коана, преодоления «двойной связки», о которых писал Г. Бейтсон. Многие ее идеи имели характер терапевтических «двойных посланий». Лозунги «Запрещено запрещать!» и «Будьте реалистами, требуйте невозможного!» остались в истории как символы прорыва к новой поведенческой ситуации.

«Экспрессивная революция» 1960-х гг., по мнению Вутерса, привела к тому, что «опасные» эмоции больше не вызывают стыда, особенно страха «потерять лицо». Судьба человека среднего класса перестала зависеть от мнения «хорошего общества». Чувство превосходства табуировано. Дегradировала функция включения и исключения, которая

⁹⁰ Там же. С. 56-59, 17, 73.

⁹¹ Beck, Grande. 2010. P. 406-638.

⁹² Wouters, Mennell. 2013. P. 554-557, 560-561.

⁹³ Wouters. 2011. P. 143-145.

была ранее присвоена истеблишментом, перестали действовать нормы «достойного поведения», потеряли силу манипуляции, оценки и связанные с ними девиации самооценки. Это проявилось уже во время Войны в Персидском заливе (1991). Солдаты уже не боялись, как во время Второй мировой войны, проявлять страх. Армия стала терять свою роль «машины обезчеловечивания», о которой писал историк цивилизации Р. Осборн⁹⁴. Важнейшими общими тенденциями в США, Голландии, Англии и Германии в XX в. стало уменьшение социальной и психической дистанции между истеблишментом и аутсайдерами, полами и поколениями, возникновение ситуативных самоидентификаций, смешанных культурных кодов и идеалов⁹⁵.

В результате «двойная связка» стала несколько менее разрушительной не только для постколониального, но и для западного сознания⁹⁶. Ведь ее предпосылкой были ощущения господства и подчиненности. Это стало доминировать над сознанием и *Супер-эго*, что уменьшило психологическую напряженность. Этому способствовало как разрушение субординации, так и растущий интерес к особенностям поведения людей иных статусов и культур, которые ранее однозначно толковались как отклоняющиеся от нормы. Ориентация на Другого предполагала усиление роли чувства стыда перед Другим, заместившего чувство вины (доминировавшего во времена Р. Бенедикт). Из интереса к Другому органически вырастает стремление создавать не только собственную, но и связанную историю капиталистов и рабочих (глобальная история труда), колонизаторов и колонизируемых (постколониальная критика), мужчин и женщин (гендерный подход). Рефлексивность этих форм познания прошлого связана с потребностью в коммуникации и взаимопонимании⁹⁷.

Связанная история развивается в ситуации проблематизации метакommunikаций. Это прежде всего лингвистический и культурный повороты, впервые тематизировавшие метакommunikации в теории истории⁹⁸. Следующим этапом стала дискуссия по поводу соотношения акторов связанной истории конкретных эпох и регионов. Не случайны острые споры Э. Саида и А.Р. Абу-эль Хаджа по поводу интерпретации отношений между Египтом, Османской империей и Европой в XIX в. и оценок работ Т. Митчелла и З. Челик⁹⁹. Они раскрывают череду опосредований про-

⁹⁴ Осборн. 2008. С. 385.

⁹⁵ Wouters. 2011. P. 141-145.

⁹⁶ Schaebler. 2004. С. 12.

⁹⁷ Wouters. 2011. P. 150-157.

⁹⁸ Yaïm. 2002. С. 14, 23.

⁹⁹ Caud. 2013. С. 240-242; Abou-El-Haj. 2000. P. 79, 81.

процесса взаимодействия и способы их интерпретации. Исследование распространяется в сторону Европы, раскрывая в работах О. Вебера и Н. Зомон Дэвис историю формирования наций как связанную историю власти, городов и крестьянства¹⁰⁰. На фоне этих споров трудно рассматривать модернизацию или глобализацию как детерминированные структурные процессы и методика раскрытия их «закономерностей» (*path-dependency*) сменяется маршрутизацией или логистикой процессов (*process-sequencing*). При этом не надо забывать о терапевтическом значении постколониальной критики, которая имеет одной из своих функций разрушение психологического напряжения, порожденного прежней ситуацией зависимости. Идеалом выступает не «смена цивилизации» или традиционализм, а гетерогенизация взаимодействующих культур.

Парадокс современной ситуации состоит в том, что на Западе, где универсальная история занимает традиционно признанное место, демографический переход закончился и она имеет все признаки анахронизма. Более того, способствуя росту психологического напряжения и дезориентации среди мигрантов и местных жителей, ведущим к взаимной агрессии, универсальная история способствует тому, чтобы взрыв «третьего» мира и «первом» приобрел военную форму. Реальные перспективы имеет распространение универсальной истории лишь в зоне демографического взрыва, например, в афроцентристской форме. Связанная история становится в этих условиях гарантом стабилизации обстановки в странах, закончивших демографический переход. Она помогает создать глобальную историческую память, переосмыслив традиции историописания, критикуя отжившие и развивая новые теоретические приемы исторического знания¹⁰¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аршинов В.И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. М.: ИФ РАН, 1999. 203 с.
- Бейтсон Г. Экология разума. Избр. статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии / Пер. с англ. Д. Я. Федотов, М. П. Папуш. М.: Смысл, 2000. 476 с.
- Васьева Л.Н. Гражданское общество и правовое государство (синергетический подход) // Общественные науки и современность. 2005. № 4. С. 75–85.
- Васьева Л.Н. Синергетический подход в теории элит и его использование при анализе политической элиты (на примере постсоветской России). М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2005. 316 с.

¹⁰⁰ *Schaebler*. 2004. P. 10; *Weber*. 1976.

¹⁰¹ *Ионов*. 2010; 2011; 2012; 2013; 2014.

- Вацлавик П., Бивин Дж., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций. Изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия / Пер. с англ. А. Суворовой. М.: Апрель-Пресс, Изд-во ЭКСМО Пресс, 2000. 320 с.
- Вебер М. Избр. произв. / Пер. с нем. М.И. Левин, А.Ф. Филиппов, П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Вернер М., Циммерманн Б. После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности // *Ab Imperio*. 2007. № 2. С 59–90.
- Гердер И.Г. Избр. соч. М.; Л.: ГИХЛ, 1959. 392 с.
- Гириц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры / Пер. с англ. Е.М. Лазаревой // Антология исследований культуры. Интерпретации культуры. 2-е изд. / Гл. ред. С. Я. Левит. М.; СПб., Изд. СПбГУ, 2006. С. 171–203.
- Донцов А.И., Дубовская Е.М., Улановская И.М. Разработка критериев анализа совместной деятельности // *Вопросы психологии*. 1998. № 2. С. 61–71.
- Дройзен И. Г. Историка / Пер. с нем. Г. И. Федоровой под ред. Д. В. Складнева. СПб., Владимир Даль, 2004. 583 с.
- Иггерс Г., Ван Э. Глобальная история современной историографии (при участии Суприи Мукерджи) / Пер. с англ. О.В. Воробьевой. М.: «Канон» РОИИ «Реабилитация», 2012. 432 с.
- Ионов И.Н. Теория цивилизаций и эволюция научного знания // *Общественные науки и современность*. 1997. № 6. С. 118–135.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание. М.: Наука, 2007. 499 с.
- Ионов И.Н. Постколониальная критика и трансформация цивилизационных представлений // *Диалог со временем*. 2010. Вып. 30. С. 257–274.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 139–153.
- Ионов И.Н. Идея «цивилизации» в Европе XIX в. в контексте связанной и перекрестной истории // *Диалог со временем*. 2012. Вып. 40. С. 27–50.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 2 // *Общественные науки и современность*. 2012. № 6. С. 134–149.
- Ионов И.Н. Глобальная история и изучение прошлого России. Статья 3 // *Общественные науки и современность*. 2013. № 5. С. 138–153.
- Ионов И.Н. Идеи «цивилизации» и «варварства» в Европе XVIII–XIX вв. в контексте связанной истории // *Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время* / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. С. 212–274.
- Князева Е.Н., Куркина Е.С. Глобальная динамика мирового сообщества // *Историческая психология и социология истории*. 2009. № 1. С. 29–153.
- Луман Н. Власть / Пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. 256 с.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени / Пер. с нем. М.И. Левина, С.П. Капушина, А.И. Миллер, Т.И. Студеникина. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: «Весь мир», 2012. 248 с.
- Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Осборн Р. Цивилизация. Новая история Западного мира. М.: АСТ, 2008. 764. [4] с.
- Полещук И. Понятие интересубъективной темпоральности в философии Левинаса // Эмманюэль Левинас: путь к Другому. СПб: СПбГУ, 2006. С. 22–36.
- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб: «Русский мир», 2006. 637 с.

- Said Э.В. Культура и империализм / Пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб., «Владимир Даль», 2013. 734 с.
- Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Пер. М.И. Левина, С.Д. Сказкин. М.: Юрист, 1994. 719 с.
- Турчин А.В. Проблема стабильного развития и перспективы глобальных катастроф // *Общественные науки и современность*. 2010. № 1. С. 156–163.
- Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. Е.Г. Трубина, В.В. Харитонов. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 528 с.
- Федорова Н.А., Каримова Л.К. Историческая демография: теория и метод. Учебное пособие. Казань: Казанский университет, 2013. 202 с.
- Флобер Г. Госпожа Бовари. М.: «Правда», 1979. 352 с.
- Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М.; СПб: Университетская книга, 2001. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. 331 с.; Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. 382 с.
- Abou-El-Haj R.A. Historiography in West Asian and North African Studies since Said's Orientalism // *History after the Three Worlds: Post-Eurocentric Historiographies* / Ed. by A. Dirlik, V. Bahl and P. Gran. N.Y.: Rowman & Littlefield Publ., Inc, 2000 P. 67–84.
- Antohi S. Romania and the Balkans. From Geocultural Bovarism to Ethnic Ontology // *Transit – Europäische Revue*. 2002. Vol. 21. P. 1–21. URL: http://archiv.iwm.at/index.php?option=com_content&task=view&id=235&Itemid=411.
- Beck U., Grande E. Varieties of Second Modernity: Extra-European and European Experiences and Perspectives // *British Journal of Sociology*. 2010. Vol. 61, № 3. P. 406–638.
- Connected Worlds. History in Transnational Perspective / A. Curthoys and M. Lake (eds.). Canberra: Australian National University E Press, 2005. URL: http://epress.anu.edu.au/titles/cw_citation.
- Conrad S. Entangled Memories: Versions of the Past in Germany and Japan, 1945–2001 // *Journal of Contemporary History*. 2003 Vol. 38. № 1. P. 85–99.
- Dussel E. The Underside of Modernity: Apel, Ricoeur, Rorty, Taylor, and the Philosophy of Liberation / trans. E. Mendieta. Atlantic Highland (NJ): Humanities Press, 1996. 248 p.
- Gaultier J. de. Le Bovarysme. Paris: Mercure de France, 1921. 316 p.
- Goldsworthy V. Inventing Ruritania. The Imperialism of the Imagination. New Haven, London: Yale University Press, 1998. 254 p.
- Juenke C. Entangled Pasts. Remembering War and Violence in Contemporary French Fiction. [2013]. URL: http://www.romanistik.uni-bonn.de/die-bonner-romanistik/lehrende/frau-dr.-claudia-juenke/vortraege_juenke.pdf.
- Melegh A. On the East–West Slope: Globalization, Nationalism, Racism and Discourses on Eastern Europe. Budapest: Central European University Press, 2006. 220 p.
- Mennell S. The American Civilizing Process. Cambridge: Polity, 2007. 388 p.
- Misztal B.A. Collective Memory in a Global Age: Learning How and What to Remember // *Current Sociology*. 2009. Vol. 58 (1). P. 2–22.
- Riesman D., Glazer N., Denney R. The Lonely Crowd: A Study of the Changing American Character. New Haven: Yale University Press, 2001. 315 p.
- Rothberg M. Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization. Stanford: Stanford University Press, 2009. 408 p.
- Schaebler B. Civilizing Other. Global Modernity and the Local Boundaries (French/ German/Ottoman and Arab) of Savagery // *Globalization and the Muslim World*. Culture,

- Religion and Modernity / Ed. B. Schaebler, L. Steinberg. Syracuse (N.Y.), Syracuse University Press, 2004. P. 3–29.
- Silverman I. W., Jeiringer E.* Dyadic Interaction and Coservation Induction: A Test of Piaget's Equilibration Model // *Child Development*. 1973. Vol. 44. № 4. P. 815–820.
- Sпивак Г. Ч.* Rethinking Comparativism // *New Literary History*. Vol. 40. № 3. Summer 2009. P. 606–629.
- Subrahmanyam S.* Connected Histories: Notes towards a Reconfiguration of Early & Modern Eurasia // *Modern Asian Studies*. 1997. Vol. 31. № 3. P. 735–762.
- Subrahmanyam S.* Explorations in Connected Histories. From the Tagus to the Ganges. New Delhi: Oxford University Press, 2011. 276 p.
- Weber E.* Peasants into Frenchmen. The Modernization of Rural France 1870–1914. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1976. 632 p.
- Wouters C.* Formalisation and Informalisation: Changing Tension Balances in Civilizing Processes // *Theory, Culture & Society*. 1986. Vol. 3. № 2. P. 1–19.
- Wouters C.* Informalization: Manners and Emotions since 1890. L.: Sage, 2007. 274 p.
- Wouters C.* How Civilizing Processes Continued: Towards an Informalization of Manners and a Third Nature Personality // *Norbert Elias and Figurational Research: Processual Thinking in Sociology* / N. Gabriel and S. Mennell (eds.) Oxford: Wiley–Blackwell, 2011. vi + 271 p.
- Wouters C., Mennell S.* Discussing Civilisation and Informalisation // *Política y Sociedad*. 2013. Vol. 50. № 2. P. 553–579.
- Zombory M.* Maps of Remembrance. Space, Belonging and Politics of Memory in Eastern Europe. Budapest: L'Harmattan, 2012. 311 p.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; ionov@mail333.com